

ПЕРЕВОД КАК ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

О. В. Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 30 мая 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика перевода как вторичного текста, обсуждаются сходства перевода с другими видами вторичных текстов и отличия от них.

Ключевые слова: вторичный текст, перевод, интерпретация, картина мира.

Abstract: the paper discusses specific character of translation as a secondary text, those features that it has in common with other secondary texts and those that make it unique.

Key words: secondary text, translation, interpretation, worldview.

Заявленные для обсуждения на IV Международном научно-практическом семинаре (Кашкинские чтения) темы (*язык, дискурс, перевод, интерпретация, вторичные тексты, коммуникация и социальная среда*) связаны между собой настолько тесно, что фактически выстраиваются в одну общую тему, особенно если рассматривать их, взяв за отправную точку перевод, поскольку *перевод* как процесс – это создание особого вида *вторичного текста*, представляющего собой результат *интерпретации* переводчиком текста на исходном языке, который, в свою очередь, является результатом процесса *языковой* деятельности автора оригинала, осуществляемой *в определенной социальной среде* и *в определенной коммуникативной ситуации*, т. е. *деятельности дискурсивной*, и отражает определенную *интерпретацию мира*.

При этом приходится констатировать, что, строго говоря, ни одно из названных, казалось бы, базовых понятий на сегодняшний день не имеет не только четкого, но и вообще какого-либо общепринятого определения. Переводоведение до сих пор не выработало (и, по всей видимости, в обозримом будущем не выработает) единого понимания того, что такое перевод. Многообразие толкований термина «дискурс» нашло отражение даже в самих его определениях. Так, например, на невозможность дать четкое определение дискурса указывает Д. А. Силичев: «...одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии» [1], а А. А. Кибрик и П. Б. Паршин в «Энциклопедии Кругосвет» [2] прямо говорят, что «четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует».

Однако наибольшей неопределенностью отличается терминосочетание «вторичный текст» – в особенности в применении к переводу.

В самом общем виде вторичный текст определяется как текст, созданный на базе другого текста и сохраняющий его основное содержание. При этом отмечается, что авторский замысел, т. е. интенция первичного текста во вторичном тексте, может оставаться без изменения, а может меняться [3]. Изначально предложенное М. В. Вербицкой название «вторичный текст» относилось только к жанрово-стилистическим вариантам текста, созданным на том же языке, что и лежащий в их основе первичный текст: к пародиям, перифразам, стилизациям. Далее рамки этого понятия расширились – туда включили рефераты, аннотации и даже рецензии, т. е. любые тексты, созданные с опорой на некий исходный текст. Понятно, что такое жанровое разнообразие затрудняет выработку четких параметров, по которым вторичный текст отличается от своего первичного прототипа и по которым разные виды вторичного текста различаются между собой. Возникла необходимость в разработке типологии вторичных текстов. Но и здесь исследователи расходятся не только в классификации вторичных текстов, но и в самих принципах построения классификаций. К примеру, если М. В. Вербицкая в основу типологии кладет 5 признаков (предмет изображения, характер идейно-эмоциональной оценки, отношение к протослову, творческий замысел автора вторичного текста и просодию) [4], то Л. М. Майданова строит свою типологию всего на одном признаке – на смене авторства, под которой она понимает не смену физического лица, а смену авторской интенции [5].

Так или иначе, во всех этих случаях речь идет о создании нового текста, сохраняющего некоторые

свойства текста первичного, который, однако, может при этом отличаться от него и объемом, и формой, и интенцией, и оценкой, и многими другими признаками, включая языковой код, который тоже по-разному понимается разными исследователями (достаточно сравнить понятие разнокодности текстов у Н. Д. Голева и Н. В. Сайковой [6] и понимание кода В. И. Карасиком, для которого смена кода – это перевод на другой язык или на другую форму литературного языка [7]).

Возникает вопрос: какие же свойства исходного текста должны присутствовать в новом тексте, чтобы он мог считаться вторичным? И есть ли вообще такие постоянные, обязательные свойства? Или это может быть сходство по какому-то вариативному набору признаков?

Этот вопрос приобретает особую значимость, когда речь заходит о переводе, поскольку, по признанию большинства исследователей, среди вторичных текстов он занимает особое место.

Изначально перевод (причем и внутриязыковой, и межъязыковой) рассматривался *наряду* с другими разновидностями вторичных текстов, такими как воспроизведение и обыгрывание цитат, пародирование, стилизация и т. д. (см., например, [8]). Впоследствии же он приобрел статус *особого вида* вторичных текстов, а в переводоведении само терминосочетание «вторичный текст» стало восприниматься как синоним термина «перевод». Интересно в этом отношении определение, которое дает в словаре переводоведческих терминов М. Б. Раренко: «Вторичный текст – текст перевода; текст, появившийся в результате процесса перевода. Термин “вторичный текст” заимствован переводоведением из теории научной информации, где он обозначает документ, созданный в результате аналитико-синтетической обработки некоторого первичного текста (реферата, аннотации и т. д.). В переводоведении вторичный текст используется как синоним текста перевода» [9].

Независимо от того, рассматривается ли перевод просто как один из видов вторичных текстов или как вторичный текст особого рода, отличающийся от прочих по каким-то параметрам, ситуация с вторичностью перевода выглядит достаточно неоднозначно. Если вторичный текст понимать как жанровую модификацию исходного первичного текста, то, с одной стороны, собственно перевод, т. е. полный, адекватный, коммуникативно равноценный перевод, под эту категорию не подпадает. С другой стороны, сам по себе перевод может быть полным и сокращенным, может быть реферативным, может представлять собой пересказ и т. д. Все эти разновидности перевода, традиционно рассматриваемые как виды адаптивного транскодирования, соотносятся с полным коммуникативно равноценным переводом так же, как рефе-

рат, конспект и прочие жанрово-стилистические формы на языке исходного текста соотносятся с этим первичным текстом. Однако при этом необходимо учитывать, что в случае перевода первичным по отношению ко всем этим вариациям служит не полный перевод исходного текста, а сам исходный текст. Таким образом, мы здесь имеем дело с «вторичностью»: все эти разновидности перевода вторичны, как и любые другие рефераты, конспекты, стилизации и т. д., но одновременно они вторичны потому, что они созданы со сменой кода. Иными словами, перевод как таковой – это не какая-то определенная жанрово-стилистическая вариация первичного текста, существующая наряду с рефератом, конспектом, пародией или рецензией. Это нечто качественно иное.

Говоря о переводе как вторичном тексте, исследователи выделяют как признаки, объединяющие его с другими вторичными текстами, так и специфические, характерные именно для перевода. Обобщая эти признаки, И. С. Карташевич и Г. В. Кукуева в числе первых называют производный характер, различную степень смысловую и структурную эквивалентности по отношению к первичному тексту, самостоятельность (т. е. обладание основными текстовыми категориями) и опосредованное соотношение с действительностью, а к числу вторых относят отличия по цели создания, степени эквивалентности и форме. При этом авторы полагают, что специфический характер процесса образования перевода как особого вида вторичного текста определяется именно целью создания перевода, «которая заключается в социальной потребности создать тот же текст, но на другом, доступном получателям языке. Эта цель определяет стремление переводчика к максимальному тождеству перевода оригиналу на всех уровнях, то есть к максимальной эквивалентности» [10]. М. Б. Раренко в уже цитировавшемся определении перевода как вторичного текста по этому поводу пишет еще более определенно: «От всех других вторичных текстов перевод отличается своей функцией – он призван заменять первичный текст. Важным является также то, что адресатом вторичный текст воспринимается как тождественная замена оригинального (первичного) текста» [9]. Аналогичным образом характеризуют отношения исходного текста и перевода и многие другие исследователи. Так, Н. М. Нестерова полагает, что вторичность перевода носит иной характер, нежели вторичность традиционно выделяемых видов вторичных текстов, именно потому, что перевод служит полноправной заменой первичного текста [11].

Очевидно, эти исследователи имеют в виду лишь полный коммуникативно равноценный перевод, хотя даже и в этом случае утверждение о стремлении пе-

реводчика к максимальному тождеству с оригиналом на всех уровнях не может не вызывать сомнения: для того чтобы текст перевода мог выполнять ту же функцию, что и исходный текст, он в ряде случаев должен весьма значительно от него отличаться в силу целого ряда причин, таких как различия в структуре, нормах и узусе исходного (ИЯ) и переводящего (ПЯ) языков, в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ, требующих прагматической адаптации, и т. д. Если же вспомнить о существовании реферативного перевода, сокращенного перевода, адаптированного перевода и т. д., то ни об обязательной социальной потребности создать «тот же текст, только на другом языке», ни о непременном стремлении переводчика к максимальному тождеству на всех уровнях говорить не приходится.

Требование максимального тождества с оригиналом на всех уровнях не применимо к устному переводу (ни к синхронному, ни к последовательному, ни к переводу с листа). В случае письменного перевода оно применимо лишь к так называемому филологическому переводу, который требуется в весьма ограниченном количестве коммуникативных ситуаций и при этом фактически исключает адекватность такого перевода.

Трудно согласиться и с утверждением, что перевод всегда призван заменять первичный текст. Реферативный перевод не заменяет первичного текста и не воспринимается получателем как аналог реферата на ИЯ. Он воспринимается как *реферат исходного текста*, но на другом, понятном ему языке. Сокращенный перевод выполняется в том случае, когда этого требует заказчик, который, таким образом, понимает, что перед ним не полный аналог исходного текста, а его сокращенная версия. Таким образом, специфика вторичности текста перевода никак не может состоять в том, что он служит полноправной заменой текста первичного. Если, как пишет Н. М. Нестерова, «совершенно очевидно, что цели и функции первичного (исходного) текста и текста реферата, появившегося в результате перевода, различны» [12, с. 118], то несомненно столь же различны цели и функции первичного текста и текста реферата, появившегося на том же языке, что и оригинал. Перевод в этом отношении никакой спецификой не обладает.

Говоря о вторичных текстах в общем виде, Ю. А. Дымант и Е. А. Княжева пишут: «...задачи перед автором вторичного текста могут стоять совершенно разные: от репродукции, воссоздания оригинала (его содержания и формы, причем как вместе, так и по отдельности) до передачи лишь отдельных его аспектов или адаптации под конкретные обстоятельства» [13, с. 91]. Те же самые задачи могут стоять и перед переводчиком. И в том и в другом случае сущность создаваемого вторичного текста будет одной и той же. Достаточно сравнить уже приводивше-

еся определение вторичного текста как текста, *созданного на базе другого текста* и сохраняющего его основное содержание, и определение перевода, которое дает В. В. Сдобников: «...перевод можно определить как речевую деятельность переводчика *по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ* (выделено нами. – О. П.), результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [14, с. 55].

По сути дела, перевод как вторичный текст не отличается от прочих вторичных текстов ни по одному из приведенных выше параметров. Как и любой вторичный текст, он может отличаться от первичного жанром: перевод может представлять собой реферат исходного текста, аннотацию к нему, пародию на него на другом языке, стилизацию (скажем, в случае хронологической адаптации или переадресации). Соответственно, он может отличаться от оригинала по наличию/отсутствию новой информации, может совпадать или отличаться по цели создания и функции. Цель перевода технической инструкции может полностью совпадать с целью создания исходного текста: сделать возможным использование какого-то механизма или устройства. Цель же перевода предвыборной речи иностранного политика неизбежно отличается от цели написания или произнесения этой речи: оригинал создан с целью агитации избирателей, а перевод этой цели иметь не может. В большинстве случаев такая речь переводится, чтобы познакомить читателей с политической ситуацией в другой стране и с политиками, участвующими в выборах. Цель перевода может быть прямо противоположной цели создания исходного текста: взять хотя бы ставший уже классическим пример с переводом радиоперехвата. Оригиналы создаются с целью проведения некоей операции, а перевод – с целью недопущения ее проведения. Соответственно этому различными оказываются и функции самих текстов. Несмотря на цитированное выше утверждение о тексте перевода как о замене текста оригинала, Н. М. Нестерова, рассматривая в общем виде соотношение оригинала и перевода с точки зрения теории скопоса, пишет: «...скопос для текста перевода не обязательно совпадает со скопосом оригинала» [12, с. 118].

Даже такая характеристика, как смена кода, сама по себе не выделяет перевод среди прочих вторичных текстов, поскольку смена кода происходит и в тех случаях, когда вторичный текст создается с использованием другой формы литературного языка.

Если же мы говорим о полном адекватном коммуникативно равноценном переводе текста на другой язык, то во вторичном тексте могут сохраняться (хотя и не обязательно сохраняются) все характеристики

первичного – и цель, и функция (как в случае с инструкциями), и жанр, и форма (она может определяться международными стандартами), и объем, и эмоционально-оценочные характеристики. Меняется только код, что, как уже было показано, не является исключительной особенностью межъязыкового перевода. Такой текст действительно может в определенных ситуациях заменять собой оригинал, восприниматься получателями как его тождественная замена. Но если при этом существуют еще и другие вторичные тексты, созданные на переводящем языке на основе того же исходного текста, то возникает интересная ситуация. И в структурном, и в содержательном, и в жанрово-стилистическом отношении они будут практически одинаково соотноситься как с оригиналом, так и с полным коммуникативно равноценным переводом. Соотношение первичного и вторичных текстов в случае перевода, а также разных видов вторичных текстов между собой можно представить следующим образом (рис. 1).

При всех особенностях процесса порождения, скажем, реферативного перевода (подробно об этом см. [12; 15]) сам текст, который создан на базе оригинала, может в равной степени восприниматься как реферат текста полного перевода, который на самом деле не служил основой для его создания. То же самое относится и к пародийному переводу, и к переводу-аннотации, и ко всем прочим вторичным текстам на ПЯ, созданным на основе первичного текста на ИЯ.

Не будучи созданными на его основе, они при этом имеют с ним нечто общее, что отличает все

переводы от оригинала. И это не только смена кода в ее, так сказать, техническом понимании.

На этом этапе рассуждений необходимо обратиться к еще одному понятию, занимающему в комплексе обсуждаемых явлений особое место, а именно – к интерпретации. Причем как к интерпретации текста, так и к интерпретации мира, т. е. фактически здесь появляется совершенно неизбежный для процесса и результата перевода фактор переводчика, фактор интерпретирующей личности. Как отмечают В. Б. Кашкин и Е. А. Княжева, «с развитием антропоцентрического направления исследовательский интерес переместился на изучение языковой личности, с объекта и результата – на субъект речевой деятельности и на саму деятельность. Привычная дихотомия “процесс/результат” перевода дополняется еще одним ключевым звеном: личностью переводчика, его представлениями, стратегиями, действиями» [16, с. 136].

Любой текст так или иначе отражает интерпретацию мира человеком, создавшим этот текст. Эта интерпретация складывается из языковой картины мира, общей для всех носителей языка, и субъективной интерпретации, определяемой личностью этого человека. Но если исходный текст отражает интерпретацию мира автором, то перевод – это результат *интерпретации этой интерпретации* переводчиком, воспринимающим ее через призму *собственной интерпретации* мира, которая, в свою очередь, определяется языковой картиной мира (только уже речь идет о другом языке и, сле-

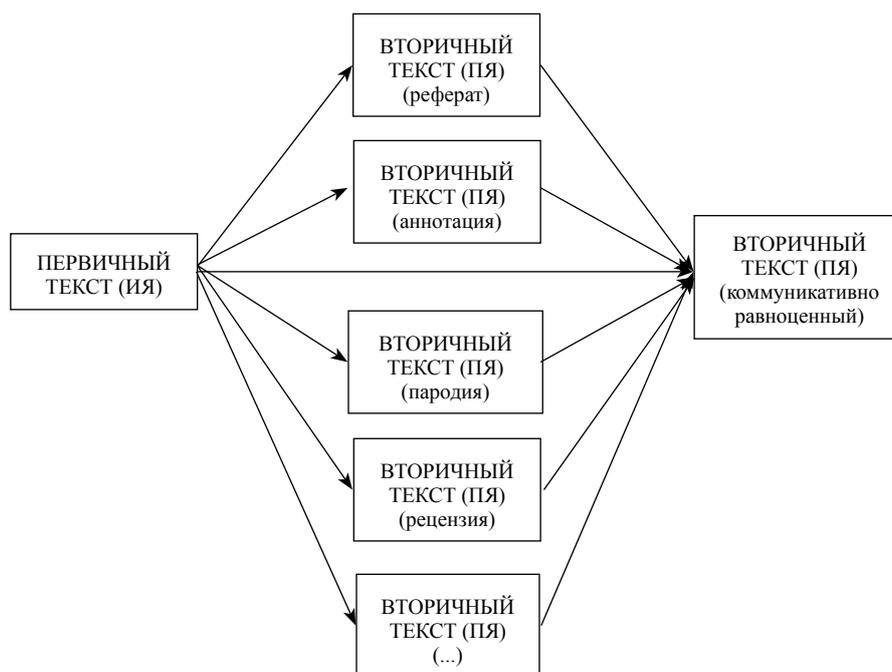

Рис. 1

довательно, о другой картине) и личностью переводчика.

Личность переводчика, разумеется, играет при создании перевода чрезвычайно важную роль. Однако с точки зрения выявления специфики перевода и его отличия от других вторичных текстов она может не учитываться, поскольку любой вторичный текст предполагает интерпретацию оригинала личностью того, кто его создает (если это, разумеется, не сам автор). Впрочем, если даже сам автор пишет реферат, но делает это, скажем, по прошествии какого-то времени, он вполне может внести какие-то изменения в расстановку акцентов, даже в структурирование текста в соответствии с изменившимся личностным восприятием текста и описанной в нем ситуации. И, конечно же, рефераты, конспекты одного и того же текста, аннотации к нему, написанные разными людьми, неизбежно будут различаться между собой. Так же как будут различаться и его переводы на определенный язык (неважно, полные или сокращенные), выполненные двумя разными переводчиками. Ника-

кой специфики перевода в этом нет. Специфика состоит именно в двойной интерпретации, которая возникает из-за различий в языковых картинах мира у автора оригинала и у переводчика: переводчик интерпретирует текст, созданный носителем одного языка, под влиянием одной языковой картины мира, но делает это через призму другой, своей собственной картины мира, которая закреплена в его языке, т. е. языке переводящем. А поскольку языковая картина мира, по определению А. А. Зализняк, это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [2], то при восприятии текста, написанного носителем другого языка, переводчик сталкивается с двумя разными способами концептуализации действительности: своим и чужим. И ему приходится «переинтерпретировать» то, как интерпретирует картину мира автор исходного текста. Графически это можно представить следующим образом (рис. 2).

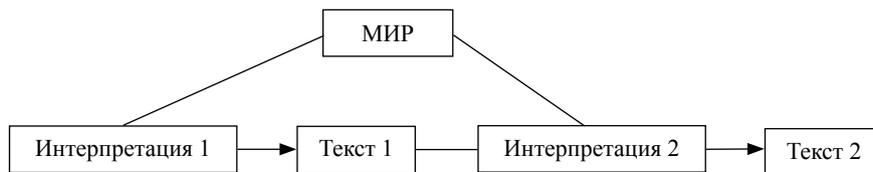

Рис. 2

Каждая из двух интерпретаций мира в этом процессе также представлена двумя способами: с одной стороны, это две разные *концептуальные* картины мира, присутствующие в сознании автора оригинала на этапе написания текста и в сознании переводчика на этапе его восприятия, а с другой – это две разные *языковые* картины мира, которые в какой-то мере определяют характер порождаемых ими текстов. При этом переводчик должен не только переключаться с одной языковой картины мира на другую, но еще и гармонизировать эти две картины, создав в результате текст, позволяющий получателю перевода воспринять коммуникативную интенцию автора, мыслящего другими категориями. Именно эта «переинтерпретация» и ее отражение в порождаемом переводчиком тексте и является принципиальным отличием перевода от любых вторичных текстов, созданных на том же языке, что и оригинал.

Таким образом, сам по себе вторичный характер текста, полученного в результате любого вида перевода, не вызывает сомнений, поскольку любой такой текст является производным, основанным на другом тексте – тексте оригинала. Собственно говоря, это – единственный признак вторичности,

объединяющий все разновидности вторичного текста, включая перевод. Особый же статус перевода как вторичного текста определяется не целями его создания, не его функциями, не какими бы то ни было различиями с первичным текстом по объему, жанрово-стилистическим характеристикам, интенциям, оценкам и т. д., а по наличию вторичной интерпретации, осуществляемой переводчиком. Исходный текст, созданный в определенной социальной среде, в определенной коммуникативной ситуации автором, имеющим определенную концептуальную картину мира, на языке, отражающем эту картину и закрепляющем ее в определенных языковых формах, воссоздается в том или ином виде переводчиком, находящимся в другой социальной среде, в другой коммуникативной ситуации, для читателя, обладающего другой концептуальной картиной мира, на языке, отражающем и закрепляющем в своих формах эту картину. При этом происходит не замещение одной картины мира другой, а интерпретация одной картины с позиций другой. Именно эта «переинтерпретация» и составляет особую сущность перевода вообще и перевода как вторичного текста в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.*
 2. *Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/>*
 3. *Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д., 2010. – 562 с.*
 4. *Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов : на материале современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Вербицкая. – М., 2000. – 47 с.*
 5. *Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов / Л. М. Майданова // Человек – текст – культура. – Екатеринбург : Ин-т развития регионал. образования, 1994. – С. 81–104.*
 6. *Голев Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2001. – Вып. 3. – С. 20–27.*
 7. *Карасик В. И. Типы вторичных текстов / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы обозначения и понимания : тезисы докл. науч. конф., Волгоград, 5–7 февраля 1997 г. – Вологоград : Перемена, 1997. – С. 69–70.*
 8. *Полубиченко Л. В. Филологическая топология : теория и практика : дис. ... д-ра филол. наук / Л. В. Полубиченко. – М., 1991. – 729 с.*
 9. *Основные понятия перевода (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. – М., 2010. – 260 с.*
 10. *Карташевич И. С. Механизм образования переводного текста как особого вида вторичного / И. С. Карташевич, Г. В. Кукуева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2012. – № 4. – С. 110–112.*
 11. *Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 368 с.*
 12. *Нестерова Н. М. Реферативный перевод : проблема смыслового свертывания и семантической адекватности / Н. М. Нестерова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 25 (240). – Вып. 58. – С. 112–118.*
 13. *Дымант Ю. А. О некоторых онтологических свойствах перевода в контексте теории вторичных текстов / Ю. А. Дымант, Е. А. Княжева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 88–94.*
 14. *Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Сдобников. – Н. Новгород, 2015. – 492 с.*
 15. *Новиков А. И. Реферативный перевод научно-технических текстов / А. И. Новиков, Н. М. Нестерова. – М. : Наука, 1991. – 148 с.*
 16. *Кашкин В. Б. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении / В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 136–141.*
- Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова*
Петрова О. В., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода
E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com
Тел.: 8-905-865-86-32
- Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N. A. Dobrolyubov*
Petrova O. V., Doctor of Philology, Professor of the English and Translation Department
E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com
Tel.: 8-905-865-86-32